

легальных средств, трудящиеся способны, пожалуй, обратиться, к нелегальным методам борьбы, и тогда—о ужас!—нарушится порядок. Как видим, Белл, а с ним и его создатель Братт (Белл, уже сказано, не из кино, а из головы автора, т.-е. олицетворение наиболее дерзких мечтаний, на какие способен был Братт в эпоху, предшествовавшую написанию романа, а читатель вспомнит Спартаковскую неделю и прочие вещи, бывшие в Германии) очень дорожат сохранением порядка, ныне существующего или—еще верней—существовавшего до войны. Они склонны (Братт и его единомышленники, немецкие интеллигенты) даже помочь пролетариату защитить себя от сдиранья седьмой шкуры, однако право на сдирание с пролетариата первых шести шкур для Братта сомнению не подлежит, и нарушение этого устоя влечет за собой—ужас! ужас!—нарушение порядка. Как ясно из предыдущего, немецкий интеллигент двадцатых годов в своем мировоззрении и в лице своих наиболее прогрессивных беллетристов ушел не так далеко от своих русских собратьев эпохи нашей гражданской войны.

И тем не менее, роман интересен. У нас, он, пожалуй, интересней, чем в Германии: мы в нем читаем больше, чем хотел сказать автор. Мы видим, что никакие попытки соглашения пролетариата с самыми прогрессивными правительствами невозможны (очень хорошо это показано Браттом), мы видим, что прогрессивная интеллигенция в массе своей дальше маниловщины двинуться не может, мы видим, что в моменты решительных схваток она неизбежно оказывается на задворках движения, мы видим, что она не имеет еще понятия, о том, что близкий ей лумпен-пролетариат и пролетариат рабочий—явления весьма различные, мы лишний раз видим хорошую иллюстрацию формулы, что экономические за-

воевания трудящихся должны быть закреплены овладением и политической властью. И, хотя мы узнаем это из книги Братта помимо прямых намерений автора, или даже и вопреки этим намерениям, такая возможность позволяет нам считать эту книгу хорошей.

И. А. Аксенов.

КУРТ ЭЙСНЕР. Испытание богов. Политический фарс в 5 действиях с международной пантомимой. Перевод С. С. Заяицкого и В. Э. Морица. Предисловие А. П. Пинкевича. Государственное Издательство. Москва—Ленинград, 1924 г. Стр. 136.

Придурковатый принц под влиянием хитроумных теологов, жрецов-наставников, превращается в жестокого короля. Ему противопоставлен некто Гульдар, индивидуалист, презирающий, по его заявлению, народ, но в то же время готовый умереть за него во имя абсолютно прекрасного будущего; эта концепция развита в ряде аллегорических сцен, лишенных подлинной сценической динамики, перегруженных торжественными монологами-речами, сложной диалектикой. Сатира на абсолютизм и милитаризм чередуется с расплывчатой романтикой. Сценически наиболее удачен безусловно забавный момент, когда мудрецы передают свои теологические познания: принц, сначала неуверенно, а затем все с большим воодушевлением повторяет за мудрецами их торжественные, вычурные речи. Очень слабы любовные сцены. Пьеса Эйснера не удовлетворит ни политика, ни драматурга. Плод тюремного досуга, как это помещено на титульном листе, пьеса интересна как фантазия общественного деятеля, как исторический документ эпохи.

В. Волькенштейн.